

Улетела от нас белая лебедь XX века...

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

«Вы учили нас жить. Теперь будете помогать воевать», - маленькую старую пластинку, звуковое письмо с этими словами, прощальное письмо перед уходом на фронт трех юношей, неизменно присутствовавших на всех ее спектаклях в довоенном Ленинграде, Галина Сергеевна сохранила. Двое юношей погибли, третий остался жив, разыскал Уланову уже в Москве, и я видела, какими глазами смотрел на нее этот молодой уже человек, покаявая свою старенькую фронтовую планшечку с ее фотографией. В войну простреленные портреты Улановой находили во фронтовых землянках, в карманах солдатских гимнастерок - как образ Родины, за которую они сражались. А кто сегодня, когда Улановой не стало, может претендовать на символ нации?..

Что-то до конца неподдающееся объяснению было в ее искусстве, что сделало ее еще при жизни эталоном. Чистоты, преданности, любви. Быть может, ее уникальная человеческая сущность, которая просвечивала через все ее роли, от умирающего белого лебедя, который не умирал, а боролся за жизнь, до Джульетты с этим ее знаменитым, сто крат описанным, но так и оставшимся чудом, безоглядным бегом сквозь вражду и ненависть навстречу Любви?

Сохранила пленку с ее тихим, но твердым голосом - недавнее и ставшее, увы, последним интервью. Она не любила давать интервью, сторонилась журналистов, и многие коллеги, да и не только они, считали ее холодным, неприступным человеком. Но те журналисты «Комсомолки», что свыше двух десятилетий назад вошли в ее дом следом за нашей Таней Агафоновой, навсегда там оставшейся, знали: то была не холодность, а абсолютная неспособность к поверхностной, светской беседе. Застенчивость при органической искренности. И полное, удивительное равнодушие к славе.

Редакция командировала меня в Швецию, когда там, в Стокгольме, на одной из площадей, по решению ЮНЕСКО открывали монумент в ее честь - первый и единственный памятник русскому человеку за границей, поставленный при жизни. Уланова в образе Лебедя. Она стояла рядом и старалась не смотреть на себя в бронзе. А когда на нее направляли объектив телекамеры, прятала лицо в мех воротника или просто отступала за чью-то спину, упрямо твердя вопреки очевидному: «Памятник не мне, балету».

«Божественная» - есть такое сейчас звание у балерин. «Звезда», - говорим мы сегод-

ня о примелькавшейся на телевизионном экране певичке. Она этих слов не любила. Не понимала. Мук на ее долю выпало немало, как на всякую честную жизнь. Одних мук она не знала - мук тщеславия.

Крутится пленка, звучит ее живой голос: «Революция, холод, голод...» Это о детстве. В последнее время она часто обращалась мыслями к детству. Зимний Петербург, ее, закутанную, везут на саночках, кинотеатр, в нем холодно, как на улице, она так и сидит, повязанная поверх пальто платками, а мама - с голыми руками! - танцует. Между сеансами. «Искусство - в массы» - так это называлось. То было ее первое знакомство с балетом, и потому «не хочу!» закричала маленькая Галия, когда родители отдали ее в училище Вагановой. Закричала эти слова в первый и последний раз. Потому что ей сказали «надо!», а это, слово было определяющим в ее жизни. С детства и до последнего вздоха. Как-то пожаловалась ей: «Что-то не пишется...» - «Но ведь надо!» - «Да, конечно, надо, но...» Это «но» не поняла и не приняла. Когда встречалась с леностью, необязательностью, расхлябанностью поступков и мыслей, обычная ее доброжелательность уходила, и взгляд становился холодно-отчужденным.

«Ленинградский взгляд» - написала некогда одна из зарубежных газет. Она оставалась ленинградкой, и переехав в Москву. Последняя в жизни поездка - в родной город. Попросили перед премьерой позани-

маться с юной балериной из Мариинки. Согласилась сразу. Хотя ей было уже далеко за 80. Вернувшись: «Вы знаете, Инночка, я только сошла с поезда - и сразу почувствовала себя дома. Уже на Московском вокзале воздух другой!» Это на вокзале-то... Когда в дни 850-летия столицы ей присвоили звание почетного гражданина Москвы, недоумевала: «Столько в городе достойных людей, почему я? Я же не москвичка». Но когда с каким-то детским простодушием, так ей свойственным, эти ее слова прозвучали с экрана телевизора, огорчилась: «Не обидела ли я людей?»

Она многого не понимала в современной жизни. Перестала смотреть телевизор, редко читала газеты. Рассердилась, когда узнала, что есть проект поместить ее портрет на денежных купюрах: «Какая связь - я и деньги?» Как-то призналась: «Знаете, я себя иногда чувствую... Ну в другом времени, что ли». «Мало застенчивых людей стало. Очень мало», - звучит сейчас раздумчиво ее голос с пленки. «Не расскажете ли мне много о своей личной жизни?», - спрашиваю я. «Нет. Не понимаю этого нынешнего интереса ко всему интимному». Голос звучит уже отстраненно сухо. С ней надо было быть очень осторожной, не знаешь, от какого слова она замкнется, уйдет в себя. Чувствуешь себя слонком в посудной лавке. Обычно так доброжелательно просто, а ты и после столько лет знакомства испытываешь ро-

бость. Впрочем, я еще застала в доме Юрия Александровича Завадского - он давно перестал быть ее мужем, но неизменно приходил вечерами пить чай - и было видно, как этот большой и очень красивый мужчина перед ней, маленькой, хрупкой, робел тоже...

И все же в этом последнем интервью она чуть-чуть открыла дверцу в свою личную жизнь. На вопрос, есть ли что-то, о чем вы сожалеете, оглядываясь на прошлую жизнь, помолчала, сказала: «Ну, может, я бы хотела, чтоб у меня была семья, дети... Такой дом... Чтоб я умела хорошо готовить. Я попыталась это сделать после того, как кончила танцевать, но из этого ничего не вышло». Такая интонация в голосе на этих словах, что и сейчас сжимает сердце.

Она была одинока. Да, рядом были люди. «Девочки» - так она называла тех верных поклонниц, ставших уже бабushками, что остались верны кумиру своей юности. Елена Сергеевна Брускова, старинная сотрудница «Комсомолки», - ей первой врачи сообщили страшную весть. Звонили ученики, коллеги. И все-таки она была одинокой. И мучительно, мы это чувствовали, хоть и сдержанно, свое одиночество переживала. Впрочем, гений всегда одинок, наверное...

Как-то мы договорились созвониться, телефон не отвечал, я стала волноваться, Галина Сергеевна позвонила сама: «Мне стало душно, не хватало воздуха. Я вышла по-

гулять». - «Где?» - «Около дома. Так захотелось увидеть живую зелень». Она так любила одинокие лесные прогулки, поле в ромашках, тихую озерную гладь, байдарику на ней... Не просто любила, жила природой. А тут-то живая зелень - несколько покрытых пылью деревьев, да чахлые кустарники у дома на перекрестке двух шумных, забитых машинами улиц... Дачи у нее не было. Ни своей, ни государственной - никакой.

До последнего дня не могла расстаться с Большим театром. Как-то совсем недавно разволновалась не на шутку: «У меня же кончился бюллетень, а я дома». Уставала, болела, иногда раздражалась на что-то, уговаривала себя: пора уйти. Но не могла. Когда случались вынужденные перерывы в работе, Большой театр будто перемещался в ее квартиру. И надо сделать все для того, чтоб так оставалось и после ее ухода. Большой театр был ее домом, ее дом, ее квартира должна быть отдана ее театру.

Ее ученики - Катя Максимова и Володя Васильев, Нина Семизорова и Нина Тимофеева, Людмила Семеняка и Малика Сабирова... Она воспитывала звезд. Но эти звезды говорили то, что и простые солдаты в войну: она учила их не только танцевать - она учила их жить. Сколько таких признаний в моих журналистских блокнотах!.. Вот только одна, Владимира Васильева, ныне директора Большого: «Я знаю, если кто-нибудь из нас, ее учеников, пойдет на компромисс с собственной совестью, мы потеряем ее навсегда. Как бы мы хорошо ни танцевали».

«Обыкновенная богиня», - сказал о ней Алексей Толстой. Человеком другого измерения называл ее Сергей Эйзенштейн. Гением русского балета - Сергей Прокофьев. Но точнее всех, думается, выразился Борис Пастернак: «Почкорная обстоятельностью и верная себе чистота». Уланову не представишь мечущей громами и молнии на каком-нибудь собрании-митинге или страницах мемуаров. Но ее и не могли втянуть, как не раз пытались, в какую-нибудь очередную кампанию очередного прославления власти имущих или в очередную склоку, которых так много в наши дни. Ни слова против совести за всю долгую жизнь - многие ли из нас могут этим похвалиться?

Уходят люди безупречного нравственного авторитета. С Улановой ушла целая эпоха. А вернее, точнее - то, что нашей эпохе не хватает. Кто заполнит образовавшуюся брешь?..

Оторвался от грешной земли, улетел от нас белый лебедь XX века. Скажем ему вслед последнее «прощай». И «прости».

Инна РУДЕНКО.

Улетела от нас белая лебедь XX века...

Каме. Уланова. - 1998. - 24 марта. - С. 1, 5.

Ушла из жизни, ушла от нас Галина Сергеевна Уланова. Скажешь: великая балерина, дважды Герой Соцтруда и кавалер многих орденов, педагог-репетитор Большого театра, - и не скажешь почти ничего. Потому что влияние Улановой на людей, на жизнь, на весь наш XX век выходит далеко за рамки этих характеристик. Балет - самый ус-

Москва простится с великой русской балериной Галиной Улановой в среду, 25 марта.

Гроб с телом покойной будет установлен для прощания в Большом театре с 11 часов утра, гражданская панихида - в полдень. В тот же день Галина Сергеевна Уланова, скончавшаяся в Москве 21 марта на 89-м году жизни, будет погребена на Новодевичьем кладбище.

Рис. Николай СОКОЛОВ